

Асмуш
Литторсет

Калле Блюмквист

и Расмус

Калле Блюмквист

Астрид Линдгрен

Калле Блюмквист и Расмус

«Азбука-Аттикус»

1953

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Линдгрэн А.

Калле Блюмквист и Расмус / А. Линдгрэн — «Азбука-Аттикус»,
1953 — (Калле Блюмквист)

ISBN 978-5-389-08376-9

Хорошо, когда выслеживание бандитов лишь увлекательная игра. А если в городе появился настоящий преступник, к тому же киднеппер, похититель детей? Значит, игра закончена, и знаменитому сыщику Калле Блюмквисту нужно проявить необычайную предприимчивость и изобретательность, чтобы победить Зло.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-389-08376-9

© Линдгрэн А., 1953
© Азбука-Аттикус, 1953

Содержание

1	7
2	16
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Астрид Линдгрэн Калле Блумквист и Расмус

ASTRID LINDGREN

Kalle Blomkvist och Rasmus

1953

First published in 1953 by Rabén & Sjögren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com.

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se

© Text: Astrid Lindgren, 1953/The Astrid Lindgren Company

© Городинская-Валлениус Н., перевод на русский язык, 2018

© Гапей А., иллюстрации, 2018

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

1

– Калле, Андерс, Ева-Лотта! Где вы там?

Сикстен внимательно наблюдал за чердаком пекарни, ожидая, что кто-нибудь из Белых роз вдруг высунет голову в чердачный люк и ответит на его призыв.

– А если вас там нет, то почему? – крикнул Йонте, убедившись, что Белые не подают признаков жизни.

– Вас там что, в самом деле нет? – нетерпеливо переспросил Сикстен.

Из чердачного люка высунулась белобрысая голова Калле Блюмквиста:

– Не-а, нас тут правда нет. Мы только притворяемся.

Но подобную тонкую иронию Сикстен не оценил.

– Эй, что вы там делаете? – пожелал он узнать.

– А сам-то ты как думаешь? – ответил Калле. – Может, мы здесь в дочки-матери играем?

– Да ведь от вас всего можно ожидать. Андерс и Ева-Лотта тоже там? – поинтересовался Сикстен.

Из люка показались ещё две головы.

– Не, нас тут тоже нет, – объявила Ева-Лотта. – А вам что нужно-то, Аленькие?

– Да надавать вам по шее чуток, – вполне дружелюбно ответил Сикстен.

– И узнать, как обстоят дела с Великим Мумриком, – добавил Бенка.

– Вы что, собираетесь тянуть до конца летних каникул? – спросил Йонте. – Спрятали вы его или нет?

Андерс проворно съехал вниз по канату, служившему Белым мгновенным средством передвижения с чердака на землю.

– Ясное дело, спрятали, – ответил он.

Потом подошёл к предводителю Алых, заглянул ему серьёзно так в глаза и произнёс, подчёркивая каждое слово:

– Птица чёрная и белая вьёт гнездо недалеко от заброшенной крепости. Ищите сегодня ночью!

– Да катись ты! – послышалось в ответ.

Однако вождь Алых тотчас собрал своих соратников и увёл их в укрытие за смородиновые кусты, чтобы обмозговать эту туманную «птицу чёрную и белую».

– А чего тут обсуждать, это же обыкновенная сорока, – заметил Йонте. – Мумрик лежит в сорочьем гнезде, это и ребёнку понятно.

– Конечно, малышка Йонте, это и ребёнку понятно, – раздался голос Ева-Лотты с чердака. – Надо же, даже такой несмышлёныш, как ты, и то сообразил, что к чему. Ты, верно, ужасно рад, ведь так, крошка Йонтик?

– А можно я пойду и отлуплю её как следует? – спросил Йонте своего вождя.

Но Сикстен счёл, что сейчас всего важнее Великий Мумрик, и Йонте пришлось отменить свою карательную экспедицию.

– «Недалеко от заброшенной крепости»... Это могут быть только развалины старого замка, – осторожно, чтобы не услышала Ева-Лотта, прошептал Бенка.

– Итак, в сорочьем гнезде возле развалин замка, – заключил Сикстен с довольным видом. – Бежим!

Садовая калитка захлопнулась за тремя рыцарями Алой розы с таким треском, что котёнок Евы-Лотты, мирно спавший на веранде, подскочил, насмерть перепугавшись.

В окне пекарни показалась добродушная физиономия булочника Лисандера.

– Скоро вы мне так всю пекарню обрушите, – посетовал он, обращаясь к своей дочери.

– Вы?! – возмутилась Ева-Лотта. – Мы, что ли, виноваты, что эти Алые носятся, как стадо бизонов? Мы, между прочим, так никогда не хлопаем.

– Да неужели? – усомнился булочник и протянул противень с аппетитными, сдобными булочками заботливым рыцарям Белой розы, никогда не хлопающих садовыми калитками.

Чуть погода три Белые розы стремглав вылетели через упомянутую калитку и захлопнули её с таким грохотом, что пионы, полностью раскрывшиеся на цветочной клумбе, печально вздохнув, чуть не потеряли свои последние лепестки. Булочник тоже вздохнул. Как она сказала, Ева-Лотта? Бизоны? Ну да, так она и сказала!

Война Алой и Белой роз, вспыхнувшая тихим летним вечером, длилась уже третий год, и ни одна из воюющих сторон не выказывала признаков усталости. Наоборот, Андерс в качестве достойного примера приводил Тридцатилетнюю войну.

– Они же воевали столько лет, значит, и мы сможем, – заверял он с энтузиазмом.

Ева-Лотта смотрела на вещи более трезво.

– Ты только представь, – говорила она, – лежит в канаве сорокалетний толстый дядька и украдкой ищет Великого Мумрика. Да все мальчишки в городе засмеют тебя, старика!

Думать об этом было неприятно. Жутко было даже представить, что над тобой могут посмеяться, а ещё страшнее – что тебе будет сорок лет. Когда кругом счастливики не старше пятнадцати! Андерс испытал заведомую неприязнь к тем, кто со временем займёт его излюбленные места для игр, его тайники, начнёт войну Роз да ещё будет иметь наглость насмеяться над ним. Над ним, кто был вождём Белой розы в то великое время, когда эти сопляки ещё не народились!

Да, слова Евы-Лотты заставили Андерса осознать, что жизнь коротка и глупо было бы не играть, пока такая возможность у них есть.

Калле захотелось утешить своего предводителя:

– Во всяком случае, никому и никогда не будет так интересно и весело, как нам, а такой войны Роз, как наша, этой мелюзге вовек не видать!

Ева-Лотта с ним согласилась: ничто не сравнится с войной Роз. Когда-нибудь они превратятся в жалких сорокалетних стариков, но им будет что вспомнить! О том, как летними вечерами они бегали босиком по мягкой траве Прерий, как приятно журчала под ногами в их речушке вода, когда, спеша на решающее сражение, они перебирались по её шатким мосткам, проложенным Евой-Лоттой... Они вспомнят, как ласково светило солнце в чердачное окно пекарни, и даже деревянный пол штаба Белой розы источал запахи лета. Да, война Роз – игра, которая отныне всегда будет ассоциироваться с летними каникулами, лёгким ветерком и ярким солнцем! Приход осени с её теменью и зимняя стужа означали в борьбе за Великого Мумрика безоговорочное перемирие. Как только начинался учебный год, все военные действия прекращались и не возобновлялись до тех пор, пока каштаны на Большой улице не расцветали вновь, а оценки, полученные за второе полугодие, не были подвержены критике строгих родительских глаз.

Но сейчас в разгаре было лето, и война Роз буйствовала, словно соревнуясь с настоящими розами, расцветающими в саду булочника. Полицейскому Бьёрку, который дежурил на

Малой улице, сразу же стало ясно, что происходит, когда он увидел Алых, на всех парусах промчавшихся мимо него, а через несколько минут и Белых, с такой же бешеной скоростью устремившихся к развалинам замка. Прежде чем белокурая головка Ева-Лотты исчезла за ближайшим углом, она всё же успела крикнуть полицейскому: «Привет, дядя Бьёрк!» Он улыбнулся про себя: опять этот Мумрик! Не много же им нужно, чтобы не скучать! А всего-то камень, маленький такой камушек, но именно он был причиной бесконечной войны Роз. Вот так и бывает: много ли надо, чтобы разразилась война! И полицейский Бьёрк, подумав об этом, тяжело вздохнул. Потом в задумчивости перешёл через мост, чтобы получше разглядеть на том берегу автомобиль, припаркованный в неполюженном месте. На полпути он остановился и всё в той же задумчивости посмотрел на воду, журчавшую мирно под пролётами моста.

Вон плывёт против течения, медленно покачиваясь на волнах, старая газета. Под заголовком, набранным жирным шрифтом, сообщается сенсационная новость, которая была свежей ещё вчера или позавчера, а может, и на прошлой неделе.

Полицейский Бьёрк рассеянно прочёл:

НЕПРОБИВАЕМЫЙ ЛЁГКИЙ МЕТАЛЛ – РЕВОЛЮЦИЯ В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

**Шведский учёный разрешил проблему, над которой бились
исследователи всего мира.**

Бьёрк снова вздохнул. Вот если бы причиной всех войн были одни лишь мумрики! Кому бы тогда понадобилась военная промышленность?

Всё же надо взглянуть на стоявший не на месте автомобиль.

– Они сразу кинутся искать на рябине за развалинами, – уверил всех Калле, подпрыгнув от удовольствия.

– Наверняка, – согласилась с ним Ева-Лотта. – Другого такого сорочьего гнезда нет и в помине.

– Вот поэтому я и положил туда коротенькое послание Алым, – сказал Андерс. – Когда они его прочтут, то жутко разозлятся. По-моему, нам стоит остаться и ждать их нападения здесь.

Прямо перед ними на фоне бледно-голубого неба на холме возвышались полуразрушенные своды старого замка. Замшелая угрюмая крепость уже несколько веков была заброшена и обречена на одиночество и упадок. А далеко внизу простирались городские строения, и только кое-где отдельные домишки в нерешительности, словно колеблясь, вскарабкались на холм повыше, чуть приблизившись к исполину на вершине. На полпути к развалинам, выше всех, стояла старинная вилла, наполовину скрытая разросшимися кустами боярышника, сирени и вишнёвыми деревьями.

Эту тихую идиллию окружал полуразвалившийся забор. Удобно привалившись к этому забору, Андерс принял решение ждать отступления Алых здесь.

– «Недалеко от заброшенной крепости», – сказал Калле и плюхнулся на траву рядом с Андерсом. – Это как посмотреть. Если, к примеру, сравнить с расстоянием до Южного полюса, то Мумрика можно было бы спрятать в окрестностях Хэссলেখольма. А потом спокойно утверждать, что он находится «недалеко от заброшенной крепости».

– Чистая правда, – подтвердила Ева-Лотта. – Мы же не сказали им, что сорочьье гнездо надо искать сразу за крепостью. Но Аленькие такие тугодумы, что им это невдомёк.

– Да они на коленях должны нас благодарить! – с горечью сказал Андерс. – Пусть скажут «спасибо», что мы не спрятали Мумрика в окрестностях Хэссলেখольма! Вообще-то так и надо было сделать, а не укрывать его рядом с виллой доктора Эклюдда. Мы им ещё любезность оказали!

– До чего ж мы добрые! – рассмеялась довольная Ева-Лотта. И неожиданно добавила: – Смотрите-ка, на крыльце ребёнок сидит!

И правда, на ступеньках веранды сидел маленький мальчик. Этого было достаточно, чтобы Ева-Лотта на время забыла обо всём на свете, в том числе и о Великом Мумрике.

Надо сказать, что в жизни Евы-Лотты, доблестного, храброго воина, были минуты, когда она проявляла женскую слабость, сколь ни пытался вождь Белой розы убедить её, что во время войны это недопустимо. Андерс и Калле всякий раз приходили в немалое изумление, когда видели Еву-Лотту с маленькими детьми. Они оба считали, что малышня – существа на редкость наглые, надоедливые, к тому же всегда мокрые и сопливые. Но, похоже, для Евы-Лотты они все до единого были очаровательными сказочными эльфами. Как только она попадала под их волшебные чары, её худенькое, как у мальчишки, тело амазонки смягчалось, и она вела себя, по мнению Калле и Андерса, просто по-дурачки: тотчас простирала к малышу руки, начинала лепетать не своим голосом, полным каких-то странных, нежных звуков, от которых Андерс и Калле аж передёргивало. Лихую, задорную Еву-Лотту словно ветром сдувало.

Не хватало ещё, чтобы Алые застали её в момент подобной слабости, опасались Калле и Андерс. Не так-то просто будет смыть подобное пятно со щита Белой розы.

Ребёнок на ступеньках конечно же заприметил, что за калиткой происходит что-то необычное, и теперь неспешно вышагивал по садовой дорожке. Увидев Еву-Лотту, он резко затормозил.

– Здравсте, – произнёс он неуверенно.

Ева-Лотта стояла за калиткой «с идиотской улыбкой на лице», как сказал бы Андерс.

– Здравствуй, – ответила она. – Тебя как зовут?

Ребёнок рассматривал её, широко распахнув серьёзные тёмно-голубые глаза; судя по всему, «идиотская улыбка» не очень-то его привлекала.

– Расмус меня зовут, – сказал он и большим пальцем ноги стал рисовать по гравии дорожки.

Потом подошёл поближе, просунул свою курносую конопатую мордочку сквозь доски забора и увидел сидевших на траве Калле и Андерса. Его серьёзное личико озарилось широкой, радостной улыбкой.

– Здравсте, меня Расмус зовут, – сообщил он.

– Да мы уж слышали, – снисходительно ответил Калле.

– А сколько тебе лет? – спросила Ева-Лотта.

– Пять. А на будущий год будет шесть. А тебе сколько?

Ева-Лотта рассмеялась.

– На будущий год я уже буду старой тёткой. А вообще-то что ты здесь делаешь? Живёшь у Эклюднов?

– Не-а. Я живу у моего папы.

– А он живёт в этой Эклюднской вилле? – снова спросила Ева-Лотта.

– Ясное дело, живёт, – обиделся Расмус. – Иначе я не мог бы у него жить. Непонятно, что ли? – сказал он, как отрезал.

– Логика железная, Ева-Лотта, – заметил Андерс.

– Её зовут Эва-Лотта? – спросил Расмус, указав на Еву-Лотту большим пальцем правой ноги.

– Да, её зовут Эва-Лотта, и она говорит, что ты симпатяга, – совсем не обидевшись, ответила Ева-Лотта.

Поскольку Алых на горизонте ещё не было, Ева-Лотта быстро перелезла через калитку, чтобы быть поближе к симпатичному мальчугану. Расмус не мог не заметить, что хотя бы один человек из этой компании проявил к нему некий интерес, и потому решил тоже быть вежливым. Оставалось только найти подходящую тему для разговора.

– Мой папа делает железки, – подумав, сообщил он.

– Железки? – переспросила Ева-Лотта. – Он кровельщик?

– Нет, он профессор, который делает железки.

– Вот здорово! – обрадовалась Ева-Лотта. – Значит, он может что-нибудь сделать и для моего папы. Видишь ли, мой папа – пекарь, и ему просто необходимо много противней, а они, как известно, из железа.

– Я могу попросить его сделать железные противни для твоего папы, – любезно пообещал Расмус и сунул свою ладошку в руку Евы-Лотты.

– Слушай, Ева-Лотта, оставь ты этого младенца, – проворчал Андерс. – Алые вот-вот появятся!

– Да успокойся ты! – парировала Ева-Лотта. – Я им первая по шее надаю.

Расмус посмотрел на Еву-Лотту с восхищением.

– Кому ты надаёшь по шее? – переспросил он.

И Ева-Лотта рассказала Расмусу о славной войне Алой и Белой розы. О диких гонках по улицам и переулкам, об опасных заданиях и тайных приказах, о захватывающих ночных приключениях. А ещё о высокочтимом Великом Мумрике и о том, что Алые скоро появятся, злющие, как шершни, и какая тогда разразится великолепная битва.

И тут Расмус понял, наконец-то он понял, в чём смысл жизни. В том, чтобы стать Белой розой. И правда, что может быть чудеснее этого! И тогда в его пятилетней душе зародилось непреодолимое желание стать похожим на Еву-Лотту, Андерса или на этого... как его... Калле! Быть таким же большим и сильным, давать отпор Алым, бросать воинственный клич и всё такое. Он умоляюще посмотрел на Еву-Лотту и просительно сказал:

– Эва-Лотта, а можно я тоже буду Белая роза?

Ева-Лотта мягко щёлкнула мальчугана по веснушчатому носу.

– Да нет, Расмус, ты ещё маленький, нос не дорос!

О, лучше бы она этого не говорила! Расмус не на шутку рассердился. Его охватил великий гнев, когда он услышал эти ненавистные слова: «Ты ещё маленький». Как же они ему надоели! Он зло посмотрел на Еву-Лотту.

– По-моему, ты просто глупая, – заключил он и махнул на неё рукой. Лучше он пойдёт и спросит, нельзя ли ему стать Белой розой, у тех двух мальчиков.

Калле и Андерс стояли у калитки и с интересом смотрели в сторону дровяного сарая.

– Эй, Расмус, чей это мотоцикл? – спросил тот, кого звали Калле.

– Папин, конечно.

– Надо же! – сказал Калле. – Профессор, а на мотоцикле ездит, это что ж такое? Борода небось в колёсах застревает.

– Какая ещё борода? – рассердился Расмус. – Нет у него никакой бороды.

– То есть как это нет? – удивился Андерс. – У всех профессоров есть борода.

– А вот и нет, – отрезал Расмус и с достоинством, не торопясь зашагал назад к веранде. Эти трое все дураки, что с ними разговаривать!

Когда он уже был на веранде, в безопасности, он обернулся и крикнул троице за забором:

– Ну вас, до чего ж вы глупые! Мой папа – профессор без бороды, и он делает железки.

Все трое весело смотрели на маленькую сердитую фигурку на веранде. Никто из них не хотел обидеть мальчугана. И Ева-Лотта уже готова была бежать к Расмусу, чтобы утешить, но вдруг остановилась, потому что за спиной у мальчика распахнулась дверь, и на веранду вышел загорелый молодой мужчина лет тридцати. Он легко подхватил Расмуса и забросил его себе на плечо.

– Ты абсолютно прав, Расмус, твой папа – профессор без бороды, и он делает железки.

Мужчина шёл по дорожке с Расмусом на плече, и Ева-Лотта даже чуточку струхнула, ведь она находилась в чужом саду.

– Теперь видишь, что нет у него никакой бороды! – торжествующе крикнул Расмус, в то время как Калле нерешительно топтался у калитки. – И на мотоцикле он ездит очень даже хорошо!

На мгновение Расмус вдруг представил своего папу с длинной волнистой бородой, путающейся в колёсах. Зрелище не из приятных!

Калле и Андерс учтиво поздоровались.

– Расмус говорит, что вы делаете железки, – изрёк Калле, чтобы хоть как-то покончить с бородой.

Профессор рассмеялся:

– Пожалуй, можно сказать и так. Железки... лёгкий металл... Я, видите ли, кое-что изобрёл.

– А что вы изобрели? – поинтересовался Калле.

– Я придумал способ делать лёгкий металл непробиваемым, – объяснил профессор. – Расмус называет это «делать железки».

– Постойте-ка, а я ведь читал об этом в газете, – оживился Андерс. – Выходит, вы знаменитость?

– Ещё бы! Конечно, он знаменитость, – подтвердил Расмус с высоты своего положения. – И бороды у него нет. Во как!

Профессор не стал вдаваться в детали своей известности-знаменитости и просто сказал:

– Пойдём-ка, Расмус, завтракать. Я тебе ветчину поджарю.

– А я не знала, что вы живёте в нашем городе, – заметила Ева-Лотта.

– Мы живём здесь только летом, я снял этот дом на лето.

Расмус пояснил:

– Мы с папой будем жить на даче, пока мама в больнице. Мы здесь совсем одни живём.

Во как!

2

Родители часто становятся помехой, когда тебе предстоит ответственное сражение. Они вмешиваются в ход событий самыми разными способами. Бакалейщику Блюмквисту, например, ни с того ни с сего вдруг взбрело в голову, будто его сынок Калле непременно должен помогать ему в магазине. У почтмейстера то и дело возникали нелепые идеи, что не мешало бы Сикстену подмести садовые дорожки и постричь газоны. И хотя Сикстен пытался убедить отца, что дикорастущий сад куда красивее, все его попытки были тщетны. Почтмейстер только непонимающе качал головой и молча тыкал пальцем в газонокосилку.

Но всех упрямее и требовательнее оказался сапожных дел мастер Бенгтсон. Поскольку сам он зарабатывать на хлеб начал довольно рано, с тринадцати лет, то считал, что и Андерсу давно пора заняться делом. Отец хотел, чтобы сын пошёл по его стопам, а потому во время летних каникул настойчиво пытался удержать его в своей мастерской. Но со временем Андерс изобрёл особый метод, позволявший ему избегать нежелательной отцовской опеки. И когда сапожник приходил в мастерскую, чтобы посвятить старшего сына в тайны своего ремесла, табуретка, на которой Андерсу надлежало сидеть, чаще всего оказывалась пустой.

И только отец Евы-Лотты проявлял истинную человечность.

– Если тебе весело и интересно и ты не очень-то будешь безобразничать, то я не буду вмешиваться в твои дела, – сказал булочник и по-отечески потрепал Еву-Лотту по светлой головке.

– Эх, мне бы такого папашу! – вздохнув, сказал Сикстен горестно, но громко, чтобы перекричать треск газонокосилки. Уже второй раз за короткое время безжалостный отец заставлял его работать в саду.

Бенка и Йонте толклись возле забора и с сочувствием наблюдали за Сикстеном, который трудился в поте лица. Они пытались его утешить, наперебой рассказывая о собственных горестях. Бенка, бедняга, всё утро собирал смородину, а Йонте нянчил своих младших сестрёнок и братишек.

– Ведь если так и дальше пойдёт, придётся нам Белых бить по ночам, – возмущённо заключил Сикстен. – Днём ни минуты свободной нет, едва успеваем сделать самое неотложное.

Йонте кивнул в знак согласия:

– Вот именно. Может, сегодня ночью их и поколотить?

Сикстен мгновенно оттолкнул от себя косилку:

– А ты не дурак, Йонте! Пошли в штаб, будем держать военный совет.

В гараже, в штаб-квартире Алых, был составлен план ночного сражения, после чего Бенку отправили к Белым бросить вызов от предводителя Алых.

Андерс с Евой-Лоттой сидели в беседке булочника, ожидая, когда же наконец закроется «Бакалейная торговля Блюмквиста» и Калле освободится. Чтобы хоть как-то убить время, они играли в крестики-нолики и лакомились сливой. От тёплого июльского солнца вождь Белых роз разомлел и выглядел совсем не воинственно. Но при виде Бенки оживился. Тот бежал по доске, брошенной Евой-Лоттой, так быстро, что вода разлеталась в стороны от его босых ног. В руках у него была бумага, и эту бумагу Бенка, сдержанно поклонившись, вручил вождю Белых, а сам тотчас отбыл тем же путём, каким и прибыл.

Андерс выплюнул сливовую косточку и громко прочёл:

Сегодня ночью при свете луны в крепости моих предков состоится пир горой. Ибо Алая роза будет праздновать освобождение из плена неверных Великого благородного Мумрика.

Предупреждаем: не мешайте нам!!!

Все ползучие гады из Белой розы будут беспощадно стёрты с лица земли.

Благородный Сикстен, вождь Алой розы

Внимание:

В 12 часов ночи в развалинах замка!

Андерс и Ева-Лотта, довольные, смотрели друг на друга и ехидно улыбались.

– Пошли, надо предупредить Калле, – сказал Андерс, засовывая послание в карман. – И запомни мои слова: наступает ночь длинных ножей.

«При свете луны» городок спал глубоко и безмятежно, не подозревая о наступлении ночи длинных ножей. Полицейский Бьёрк медленно прохаживался вдоль опустевших улиц и тоже ничего такого не подозревал. Кругом царил тишина. Единственное, что он слышал, – это свои собственные шаги по булыжной мостовой. Городок спал, утопая в лунном свете, и этот ясный свет хранил тайну о ночи длинных ножей. Но вокруг спящих домов и садов залегли глубокие тени. Будь полицейский Бьёрк повнимательнее, он непременно заметил бы, что в темноте что-то происходит, как кто-то крадётся и шепчется. Он услышал бы, как осторожно открылось окно в доме булочника Лисандера, и увидел бы, как оттуда вылезла Ева-Лотта и спустилась по приставной лестнице. А ещё он услышал бы, как Калле просвистел сигнал Белой розы за углом своего дома, и увидел бы, как Андерс промелькнул и скрылся в спасительной тени сиреневого куста.

Но полицейский Бьёрк устал: он хотел спать и мечтал лишь об одном – чтобы поскорее закончилось дежурство, потому и не понял, что это была ночь длинных ножей.

Бедные, ничего не подозревавшие родители Белых и Алых роз мирно спали в своих постелях. Никому из Роз и в голову бы не пришло поинтересоваться их мнением об этих ночных рейдах. Но Ева-Лотта на случай, если кто-нибудь обнаружит её исчезновение, всё же оставила записочку на своей подушке, вполне успокаивающую, на её взгляд. Вот что там было написано:

Привет! Не поднимайте шума!

Я просто ушла воевать и думаю, что скоро буду дома.

Тра-ля-ля.

Ева-Лотта

– Это простая мера предосторожности, – пояснила Ева-Лотта Андерсу и Калле, когда они карабкались вверх по крутому склону к развалинам замка.

Часы на ратуше как раз пробили двенадцать. Пора!

– «Крепость моих предков», вот умора! – ухмыльнулся Калле. – Что этот Сикстен выдумывает? Насколько мне известно, почтмейстеры никогда здесь не жили.

Развалины замка, освещённые луной, были перед ними и ничего «почтового» собой не представляли.

– Обычное «алое» хвастовство, непонятно, что ли, – сказал Андерс. – Их надо проучить! Да и Мумрика они нашли...

В глубине души Андерс несколько не огорчился из-за того, что Алые всё-таки обнаружили сорочье гнездо и забрали себе Мумрика. Для продолжения войны Роз было необходимо, чтобы Мумрик время от времени менял своих владельцев.

Запыхавшись после трудного восхождения, все трое остановились передохнуть у входа в замок. Они стояли, прислушиваясь к тишине, и им подумалось, что там, под сводами старого замка, жутковато и опасно.

Вдруг в темноте раздался таинственный голос:

– Начинается сражение Белой и Алой розы, и смерть поглотит тысячи тысяч душ и унесёт их в своё чёрное царство!

За этим последовал резкий, жуткий смех, эхом отразившийся в каменных стенах. И снова тишина, ужасающая тишина... словно тот, кто смеялся, внезапно был сам охвачен страхом перед чем-то неизвестным, притаившимся в темноте.

– Война и победа! – решительно прокричал Андерс и ринулся сломя голову в развалины.

Калле и Ева-Лотта бросились вслед. При свете дня они бывали здесь бесчисленное множество раз, а вот ночью – никогда. Был даже один незабываемый случай, когда они оказались запертыми в подземелье старого замка. Тогда, конечно, было страшновато, но они что-то не припомнят, чтобы было так жутко, как теперь, – среди ночи, в кромешной тьме, тут ведь всякое может случиться... Что там Алые! Ну выскочат, напугают, да это и не страшно совсем... А вот если привидения, духи всякие вздумают мстить за то, что они потревожили их ночной покой?

Когда меньше всего этого ждёшь, вдруг высунется из какой-нибудь дыры в стене костлявая рука и схватит тебя за горло...

Чтобы поднять дух своих соратников, Андерс ещё раз крикнул: «Война и победа!», но под сводами в тишине это прозвучало так жутко, что Ева-Лотта содрогнулась и попросила его замолчать, добавив:

– Ни за что не оставляйте меня одну, слышите? Я становлюсь сама не своя в обществе привидений.

Калле успокаивающе похлопал её по спине, и они осторожно стали продвигаться вперёд. После каждого шага они останавливались и прислушивались. Где-то во мраке затаились Алые – ведь, надо надеяться, это их крадущиеся шаги они слышат? Кое-где сквозь трещины в сводах светила луна, и почти как днём можно было видеть шероховатые стены и бугристые полы. Передвигаться надо было с большой осторожностью, чтобы не споткнуться. Но там, куда лунный свет не мог пробиться, были лишь угрожающие тени, пугающая тьма и глухая тишина. Но в этой тишине, если хорошенько прислушаться, можно было уловить слабые шёпоты, порхающие малюсенькие шепотки: они влетали в уши и заполняли всё тело страхом.

Еве-Лотте было не по себе. Она замедлила шаг. Кто там шепчется? Алые? Или это слабые отзвуки голосов давно почивших? Она протянула руку – убедиться, что не одна. Чтобы отогнать страхи, ей было просто необходимо кончиками пальцев дотронуться до куртки Калле. Но ни куртки, ни Калле рядом не оказалось – одна чёрная пустота. Ева-Лотта, ни жива ни мертва, издала отчаянный вопль. И вдруг из глубокой ниши в стене показалась рука и крепко схватила её. Ева-Лотта закричала, решив, что вот он, её последний час. Но тут раздался голос Йонте:

– Заткнись! Что ты воешь, как сирена!

Старина Йонте! Он вдруг показался ей таким милым. Погружённые во мрак в полной тишине, они сцепились и с упоением стали бороться.

Ева-Лотта, однако, с обидой недоумевала, куда же подевались Андерс и Калле. Внезапно откуда-то послышался голос предводителя Белой розы:

– Ева-Лотта, чего ты так вопишь? И где, собственно говоря, этот пир горой?

Йонте особой силой не отличался, и Ева-Лотта, орудуя своими маленькими твёрдыми кулачками, быстро вырвалась из его объятий и бросилась бежать по тёмному проходу. Разозлившись, Йонте устремился вслед за ней. Он бежал буквально по пятам. Но тут Ева-Лотта различила чьи-то встречные шаги. Она отчаянно отбивалась во все стороны, чтобы очистить себе дорогу, но враг оказался сильнее. Кто-то крепко схватил её за руки, словно в кандалы заковал. «Наверняка это Сикстен», – подумала она.

Но Ева-Лотта была не робкого десятка. «Устрою-ка я ему весёлую жизнь, долго помнить будет!» Она напрягла все свои мышцы и что было сил боднула неприятеля в подбородок.

– Ай! – вскрикнул он вдруг голосом Калле.

– Что это с тобой? – удивилась Ева-Лотта. – Ты почему дерёшься?

– А ты сама чего дерёшься, когда тебе помочь хотят? – спросил Калле.

Йонте радостно прыснул и поспешил убраться восвояси подальше от опасного соседства. У него не было ни малейшего желания оставаться в тёмном проходе в компании двух Белых роз. Он понёсся во всю прыть к щели в стене, чтобы попасть во двор крепости, а на прощание крикнул:

– Здорово! Чем больше вы будете мутузить друг друга, тем лучше – нам меньше работы останется!

– Бежим за ним, Ева-Лотта! – крикнул Калле, и они кинулись вдогонку.

А во дворе оба вождя уже схватились в поединке. Вооружённые деревянными мечами, они боролись в лунном свете. Еву-Лотту и Калле даже дрожь пробрала от волнения, когда они увидели две чёрные тени, мечущиеся по двору. Вот так, наверное, и в Средние века сходились ночью в поединке рыцари. Конечно же так оно и происходило в старых стенах. Правда, сра-

жение Алой и Белой розы вспыхивало настоящее, и смерть поглощала тысячи тысяч душ и уносила их в своё чёрное царство!

Мысль о том, как это было в реальности во время настоящей войны Роз, а не когда это всего лишь увлекательная детская игра, промелькнула в их сознании, словно видение, жутковатое и холодное. «Лунная дуэль» вдруг перестала быть для них игрой. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, и кончиться она могла только тогда, когда одна из чёрных теней, мечущихся взад-вперёд вдоль крепостных стен, наконец рухнет, затихнет и никогда больше не встанет.

– Тысячи тысяч душ... – прошептал Калле.

– Да тихо ты! – оборвала его Ева-Лотта.

Она никак не могла оторвать глаз от сражающихся теней и вся дрожала от возбуждения. Поодаль стояли Бенка и Йонте и не дыша тоже следили за дуэлью. Тени делали выпады, парировали, переходили в ближний бой, отступали и вновь бросались в атаку. Сами они не издавали ни звука, слышен был лишь ужасающий стук скрещивающихся мечей.

– «И на вечный покой ты его проводи с колыбельной песней мечей», – продекламировал Бенка. – И врежь ему как следует, чтобы мокрого места не осталось! – добавил он, стремясь избавиться от жутких колдовских чар, насылаемых на него этими скользящими тенями.

Ева-Лотта словно вдруг очнулась. Да это же просто Андерс и Сикстен дерутся на деревянных мечах!

– Вышиби его из прадедушкиного замка! – крикнул Калле, подбадривая своего вождя.

А вождь лез из кожи вон. Однако вышибить Сикстена из замка его предков ему никак не удавалось. Но, размахивая мечом во все стороны, Андерс наступал на Сикстена, отгоняя его назад, к колодцу посреди двора. Возле колодца имелся бассейн, наполненный мутной водой. И надо же было такому случиться, что вождь Алых, отступая, сделал неосторожный шаг назад и свалился прямо в эту мутную воду!

Калле и Ева-Лотта ликовали, заглушая своим криком негодующие протесты Алых. Но Сикстен выкарабкался из бассейна и теперь был очень зол. Он наскочил на Андерса, словно разъярённый бык, но тот разнообразия ради решил убежать. Икая от душившего его смеха, Андерс помчался к стене, окружавшей внутренний двор замка, и стал карабкаться наверх. Но едва он оказался на стене, как подоспел Сикстен и полез за ним следом.

– Куда это ты так торопишься? – поддразнивал его Андерс. – Уж не на пир ли в замке твоих предков?

– Для начала я отгаскаю тебя за волосы, – заверил его Сикстен.

Андерс легко пробежался по гребню стены, но про себя подумал, что же будет, когда Сикстен его настигнет? Ведь Сикстену всего-то надо вынудить его пробежать двадцать метров по гребню в восточном направлении, а там, по другую сторону стены, уже не будет мягкого травянистого склона высотой в человеческий рост, там откроется устрашающий обрыв – метров тридцать, не меньше. Что ему мешает слезть вниз по стене сейчас? Но нет, Андерс не станет этого делать. Раз опасно – значит, интересно, захватывающе, а эта ночь словно создана для опасностей. Может, волшебный лунный свет на него так действует, но Андерс испытывал непреодолимое желание совершать поступки, исполненные безрассудной храбрости. Он хотел сделать нечто такое, от чего у Алых захватило бы дух.

– Иди сюда, дорогой Сикстен, – поманил он неприятеля. – Не прогуляться ли нам с тобой под луной?

– Не волнуйся, сейчас приду, – пробурчал в ответ Сикстен. Он понял намерения Андерса, но Сикстен был не из тех, у кого, чуть что, дух захватывало.

Толщина стены была около двадцати сантиметров – ходить по гребню было легко, как по садовой дорожке, особенно если ты привык упражняться на уроках физкультуры на узком гимнастическом бревне.

Андерс уже добежал до восточного угла стены. Здесь была небольшая площадка с укрытием для стрелков, и стена меняла направление: поворачивала на юг и шла вдоль обрыва.

Андерс сделал несколько пробных шагов. В эту минуту в нём заговорил голос рассудка, ещё не поздно было к нему прислушаться. Ну как, решаться или нет?

Сикстен подобрался уже опасно близко, а увидев, что Андерс колеблется, ехидно засмеялся.

– Вот грядёт тот, кто узрит кровь сердца твоего! – сказал Сикстен и язвительно добавил: – Уж не испугался ли ты?

– Испугался, – отрезал Андерс и больше уже не колебался.

Ещё пара быстрых шагов – и он опять на гребне стены. Теперь только вперёд, другого выхода нет! Он должен пройти по гребню вдоль обрыва не менее пятидесяти метров.

Андерс старался не смотреть вниз, его взгляд был устремлён лишь вперёд, скользил вдоль стены, тянувшейся перед ним в лунном свете, словно серебряная лента. Очень длинная лента и узкая! Вдруг она сделалась ужасно узкой! Не потому ли ноги у него стали как ватные?

Ему очень хотелось обернуться и посмотреть, где сейчас Сикстен. Но он не отважился, да этого и не потребовалось, поскольку услышал сзади его дыхание. Довольно нервное дыхание – Сикстену было определённо страшно... Как, впрочем, и Андерсу.

От страха он не смелдохнуть – что правда, то правда. А на площадку с укрытием уже взобрались Алые и Белые розы: они взирали с глубочайшим ужасом на безумство своих вождей.

– Вот грядёт... кто узрит... кровь сердца твоего... – всё ещё бормотал Сикстен, но уже не столь кровожадно.

Андерс размышлял. Он, разумеется, мог спрыгнуть во внутренний двор замка. Но это прыжок с трёхметровой высоты, а двор вымощен камнями. Медленно и осторожно слезть вниз тоже никак нельзя, ведь для этого нужно сначала низко присесть, а делать подобное над страшной пропастью у Андерса не было ни малейшей охоты. Оставалось одно: идти вперёд, ни на

секунду не отрывая воспалённых глаз от противоположного угла стены, где была ещё одна площадка.

Возможно, Сикстену не так страшно, как Андерсу. Во всяком случае, его мрачный юмор ещё не иссяк. Вождь Белых роз услышал у себя за спиной его голос:

– Я уже близко. Ещё чуть-чуть, и я тебе подножку подставлю... Забавно будет...

Конечно, сказано это было не всерьёз, но для Андерса подобная шутка оказалась роковой. От мысли, что ему могут подставить сзади подножку, Андерс похолодел. Он обернулся вполоборота к Сикстену и пошатнулся.

– Осторожней! – крикнул ему Сикстен с тревогой в голосе.

И тут Андерс вновь пошатнулся... С площадки в ту же секунду донёсся страшный крик. К своему неопишуемому ужасу, Алые и Белые розы увидели, как вождь Белых рухнул головой вниз в пропасть. Ева-Лотта зажмурилась. Отчаянные мысли пронеслись у неё в голове. Неужели никто не сможет им помочь? Кто пойдёт к фру Бенгтсон и скажет ей, что её сын Андерс разбился насмерть? И что скажут дома?

Вдруг Ева-Лотта услышала пронзительный крик Калле:

– Смотрите, он повис на кусте!

Ева-Лотта открыла глаза и, дрожа, посмотрела вниз: Андерс действительно висел на кусте. Небольшой кустик укоренился в старой стене, недалеко от гребня, и ловко поймал вождя Белых, стремительно летящего навстречу верной гибели.

Сикстена на стене не было. От испуга он и сам слетел вниз, но у него хватило присутствия духа, чтобы упасть во двор, где он, естественно, ободрал в кровь колени и руки, но всё же остался жив.

А вот будет ли жить Андерс, ещё вопрос. Кустик был таким жалким, он сгибался под тяжестью Андерса всё больше и больше. Сколько времени он выдержит, прежде чем сломается и отправится в небольшое путешествие в пропасть с Андерсом в качестве пассажира?

– Что же нам делать, о Господи, что делать? – причитала Ева-Лотта, глядя на Калле чёрными от отчаяния глазами. В случае опасности руководителем операции обычно назначался знаменитый сыщик Блюмквист.

– Держись, Андерс! – крикнул он. – Я сбегаю за верёвкой.

На прошлой неделе здесь, возле замка, они упражнялись в бросании лассо, так что поблизости где-то должна была валяться верёвка, обязательно должна...

– Торопись, Калле! – крикнул ему вдогонку Йонте, когда Калле сломя голову понёсся за ворота.

– Быстрей, быстрей! – подгоняли его все Розы, хотя это было излишне – бежать быстрее было просто невозможно.

Тем временем все старались подбодрить Андерса.

– Ты не беспокойся, потерпи немного, – уговаривала его Ева-Лотта. – Сейчас Калле прибежит с верёвкой.

Андерс очень нуждался в самых разных утешениях. Он медленно-медленно подтянулся, уселся верхом на свой куст и сидел теперь на нём, как ведьма на метле. Он не смел посмотреть вниз, в бездну. Он не смел ни крикнуть, ни пошелохнуться. Он ничего не смел. Ему оставалось только ждать. В отчаянии Андерс устался на куст, изогнувшийся у самого корня. Кора на нём полопалась, потрескалась на мелкие кусочки, а изнутри выглядывали белые волокна, они шевелились и скрипели. Если Калле задержится, верёвка ему уже не понадобится...

– Ну что же он не идёт... – всхлипывала Ева-Лотта. – Почему не торопится?

Если бы она только знала, как торопился Калле! Он носился вокруг осой, искал, где только можно. Искал, искал, искал... Но верёвки нигде не находил.

– Помогите! – в тоске прошептал Калле.

– Помогите! – прошептал и Андерс побелевшими губами, сидя на кусте, которому недолго оставалось расти и зеленеть.

– Ой, ой, ой! – застонал Сикстен на площадке. – Ой, ой, ой!..

Но тут наконец-то появился Калле с верёвкой в руке.

– Значит, так, – скомандовал он, – Ева-Лотта остаётся здесь, на площадке. Внимательно следи за Андерсом, глаз с него не спускай! Остальные все – вниз, во двор!

Нельзя терять ни минуты! Калле знает, что надо делать. Выбрать подходящий камень и привязать его к концу верёвки. Потом перекинуть его через стену, но так, чтобы не попасть Андерсу в голову. И ещё надеяться и молиться, чтобы Андерс успел, пока не поздно, ухватиться за верёвку.

Когда дорога каждая минута, пальцы и руки, как назло, не повинуются, становятся неловкими и неуклюжими, а время летит с такой чудовищной быстротой...

Внизу сидит Андерс и горящими глазами неотрывно смотрит на стену. Когда придёт спасение? Да вот же оно! Через стену перелетает верёвка, но она повисла слишком далеко от Андерса – ему её никак не достать.

– Правее, правее! – кричит Ева-Лотта со своего поста.

Калле и все, кто внизу, во дворе, крутят, дёргают верёвку, стараясь передвинуть её поближе к Андерсу, но у них ничего не получается. Видимо, верёвка зацепилась за какую-то шероховатость на гребне.

Ева-Лотта шепчет:

– Нет, больше не могу, я этого не вынесу...

Она видит, как мальчики тщетно теребят верёвку. Видит, как куст склоняется всё ниже и ниже над бездной. О, Андерс, белейшая из Белых роз, вождь Белой розы!

– Всё, больше ни секунды не выдержу! – И Ева-Лотта, босая, легко и быстро перебирая ногами, бежит по гребню стены.

Мужайся, Ева-Лотта! Не смотри в пропасть, просто беги вперёд к верёвке, наклонись, да-да, наклонись, отцепи, хоть ноги и дрожат, и передвинь верёвку, повернись и беги обратно по узкой стене к площадке.

Всё это она проделала... и разрыдалась.

Калле опускает верёвку. Камень качается перед Андерсом, и Андерс медленно-медленно протягивает к нему руки. Куст клонится всё ниже, и Ева-Лотта прячет лицо в ладонях. Но ведь ей поручено наблюдать, она должна заставить себя смотреть... Ой, куст сейчас не выдержит, его корни больше не в силах цепляться за расщелину в стене. Ева-Лотта видит, как что-то зелёное медленно летит вниз и исчезает. Но в последнее мгновение Андерс успевает ухватиться за верёвку.

– Он её поймал, поймал! – не помня себя от радости, кричит Ева-Лотта.

А потом все они столпились вокруг Андерса. Как же они его любили, как радовались, что он не полетел в пропасть вместе с кустом. Калле украдкой погладил Андерса по руке. Он чудесный парень, наш Андерс, как здорово, что он остался жив!

– А куст-то улетел в тартарары, – заключила Ева-Лотта, и все весело засмеялись. Смешно ведь, куст – и в тартарары!

– И какая нелёгкая тебя на этот куст занесла? Птичьи яйца, что ли, собирался искать? – не унимался Сикстен.

– Ну да, я подумал, может, тебе пригодится пара яиц для пиршества в крепости твоих предков.

А Калле добавил:

– Вообще-то ещё немного, и ты сам бы в яичницу превратился.

Тут все снова дружно захохотали. Ха-ха, надо же, Андерс чуть в яичницу не превратился!

Сикстен хлопал себя по ногам и хохотал громче остальных, пока не почувствовал, что его ободранные, израненные коленки очень болят и что он промёрз в своей намокшей одежде.

– Бенка, Йонте, пошли, нам пора! – скомандовал он и рысцой направился к воротам двора. Его верные соратники последовали за ним. В воротах он обернулся, весело помахал Еве-Лотте, Андерсу и Калле и крикнул: – Привет гадёнышам из Белой розы! Завтра мы сотрём вас с лица земли!

Но вождь Алой розы ошибался: прежде чем Розы сразятся вновь, пройдет немало времени.

3

Три Белые розы, весёлые и довольные, не спеша направлялись домой. Ночь была насыщенной, и случившееся с Андерсом не вывело их из равновесия. Они обладали завидной способностью юности жить сегодняшним днём. Когда Андерс висел на кусте и ему грозила опасность, сердце у них разрывалось от ужаса, но зачем же волноваться и переживать после? Ведь всё обошлось, не так ли? И Андерс был в норме, словно ничего и не было. Он вовсе не собирался видеть страшные сны, он шёл домой, чтобы хорошенько выспаться и встретить новый день в полной готовности к новым приключениям и опасностям.

Но судьба распорядилась иначе – никому из Белых роз спать в эту ночь так и не довелось.

Они шли обратно в город гуськом по узкой тропке. Особой усталости Белые розы не чувствовали, но Калле, сладко зевнув, вслух заметил, что кое-где стало модным спать по ночам, и хорошо бы проверить, так ли это.

– Вот Расмус, я уверена, любит поспать, – с нежностью в голосе произнесла Ева-Лотта и остановилась, когда они подошли к Эклюдской вилле. – Он, наверное, такой хорошенький, когда спит!

– Ну нет! – взмолился Андерс. – Перестань! Ты опять за своё, Ева-Лотта?

Конечно же Расмус и его папа преспокойненько спали сейчас в своём одиноко стоящем жилище. На верхнем этаже дома окно было открыто, и белая занавеска колыхалась, приветливо помахивая идущим по тропке трём ночным путникам. Кругом было так тихо, так спокойно, что Андерс невольно понизил голос, чтобы не разбудить спящих за занавеской.

Но кто-то, куда менее деликатный и внимательный, ехал сейчас в автомобиле, не боясь нарушить тишину города шумом своего мотора. Было слышно, как кто-то, переключая скорость, въезжал на холм, как потом неприятно заскрипели тормоза, и опять стало тихо и спокойно.

– И кому это в такое время вздумалось прикатить на машине? – недоумевал Калле.

– А тебе-то что? – строго сказал Андерс. – Пошли домой! Чего мы, собственно, ждём?

Но тут в душе у Калле что-то шевельнулось, словно приподнял голову дремавший в нём сыщик. Прошло то время, когда Калле был не просто Калле, а почти всегда господин Блюмквист, знаменитый сыщик, проницательный и негибаемый. Он стоял на страже безопасности общества и делил всех людей на две категории – «арестованных» и «ещё не арестованных». Со временем Калле поумнел, и теперь он становился знаменитым сыщиком лишь изредка, в отдельных, «специальных», случаях. Сейчас был именно такой случай. Несомненно, именно такой.

К кому же приехал этот гость? Здесь, на холме, всего лишь один дом – вилла Эклюдов. Дом стоит выше всех городских зданий и довольно далеко от них. Не похоже, чтобы профессор, живущий в этом доме, ждал гостей. Весь дом спит. Может, это влюблённая парочка приехала, чтобы поворковать? В таком случае они очень плохо знают окрестности. Место для свиданий находится на другом конце города. И вообще – надо совсем рехнуться от любви, чтобы выбрать такой запутанный и холмистый путь для ночных прогулок. Так кто же это приехал? Ни один уважающий себя знаменитый сыщик не оставит подобное дело не расследованным. Такого просто быть не может!

– Послушайте, давайте подождём немного, посмотрим, кто же это? – попросил Калле друзей.

– Да зачем? – удивилась Ева-Лотта. – Ты небось уже вообразил, что тут убийца-лунатик бродит?

Не успела она договорить, как возле калитки появились двое мужчин, не далее чем в двадцати пяти метрах от них. Было слышно, как тихо скрипнула калитка, когда те двое вошли в сад. Они действительно вошли!

– Быстро вниз, в кювет, – взволнованно прошептал Калле, и через секунду все трое залегли в кювете, высунув лишь головы, чтобы видеть происходящее в профессорском саду.

– А если это профессор их пригласил? – предположил Андерс.

– Как бы не так, – отмёл сразу Калле эту мысль.

Если это его гости, то ведут они себя в высшей степени странно. И зачем это дорогим долгожданным гостям понадобилось красться, словно опасаясь, что их застукают с полочным? Зачем шнырять вокруг дома, что-то высматривая и вынюхивая? Зачем проверять двери и окна? А если дом оказался заперт, зачем долгожданным гостям подставлять лестницу? Чтобы залезть в открытое окно на втором этаже?

Но двое ночных визитёров именно этим и занимались.

– Ой, мамочки! – выдохнула Ева-Лотта. – Смотрите, они же лезут в дом!

Они и правда лезли в дом, если верить своим глазам.

Ребята лежали в кювете, не отрывая глаз от открытого окна с весело танцующей занавеской. Прошла целая вечность в ожидании – вечность без единого звука, кроме их беспокойного дыхания и слабого шелеста утреннего ветерка в вишнёвых деревьях.

Наконец один из тех двоих появился на приставленной лестнице. В руках он что-то осторожно держал. Что это, во имя всех святых, он несёт?

– Расмус... – пролепетала Ева-Лотта, побелев, как полотно. – Они похищают Расмуса...

Да нет, это невозможно, подумал Калле. Такого не бывает! У нас не бывает. Может быть, в Америке (в газетах писали), но не здесь же...

Но, очевидно, такое может случиться везде. Мужчина нёс Расмуса. Он нёс его осторожно, лишь поэтому Расмус не проснулся.

Когда мужчина со своей ношей вышел из сада и исчез, Ева-Лотта горько расплакалась. Обратив своё бледное лицо к Калле, она точно так же, как тогда, когда Андерс висел на кусте, запричитала:

– Что же нам делать, Калле, что делать?

Но Калле был так потрясён, что не сразу нашёлся. Он нервно провёл рукой по волосам и сказал, заикаясь:

– Н-не знаю... Н-надо... н-надо бежать за дядей Бьёрком... Н-надо...

Он старался изо всех сил побороть это мерзкое оцепенение, мешавшее ему думать. Действовать надо быстро, а он не в состоянии что-либо придумать. Он понимал одно: привести сюда полицию они не успеют. До её прихода эти типы смогут выкрасть дюжину детей, и к тому же...

Мужчина вернулся, но без Расмуса.

– Положил его в машину, ясное дело, – прошептал Андерс.

Ева-Лотта ответила сдавленным всхлипом.

Они смотрели на киднеппера, похитителя детей, круглыми от ужаса глазами. Неужели, неужели существуют такие отвратительные люди?.. Такие исчадия ада?..

Дверь на веранду открылась, и оттуда показался второй преступник.

– Пошевеливайся, Никке! – сказал он низким голосом. – Здесь почти всё готово.

Тот, кого звали Никке, в два прыжка оказался на веранде, и они оба опять исчезли в доме.

И тут Калле пришёл в себя.

– Мы должны выкрасть Расмуса обратно! – нервно прошептал он.

– Если успеем, – сказал Андерс.

– Да-да, если успеем. Где у них стоит машина? – спросил Калле.

Машина стояла на вершине холма. Белые розы ринулись туда. Быстро и бесшумно бежали они вдоль кювета, ликуя при мысли, что сейчас вырвут Расмуса из лап бандитов. Дикое ликование, правда, сменилось столь же диким страхом.

В самый последний момент они обнаружили, что машину кто-то сторожит: на противоположной стороне дороги стоял человек. К счастью, стоял он к ним спиной и был занят сугубо личным делом, иначе бы непременно их заметил. Они едва успели спрятаться за кустами. Человек, по-видимому, что-то услышал – он спешно повернулся и перешёл на другую сторону дороги. Он стоял там и пристально смотрел прямо на кусты, в которых они спрятались. Неужели он не слышал, как колотятся их сердца и как прерывисто они дышат?

Им казалось это чудом. Человек постоял ещё немного, прислушиваясь, потом вернулся к машине и заглянул в салон через боковое стекло. Нервно походил по дороге взад-вперёд. Время от времени он останавливался и не отрываясь смотрел на дом. Наверное, беспокоился, почему его дружки задерживаются.

А за кустами царило полное отчаяние. Как можно помочь Расмусу, пока этот тип там маячит? Ева-Лотта плакала, и Калле пришлось толкнуть её в бок, чтобы она замолчала и чтобы хоть немного успокоиться самому.

– Это же кошмар! Что-то ведь надо делать! – выдохнул Андерс.

Ева-Лотта вдруг решительно проглотила слёзы и заявила:

– Я должна пробраться в машину к Расмусу. Если его и похитят, то только вместе со мной. Его нельзя оставлять одного с кучей бандитов, когда он проснётся.

– Да, но... – начал было Калле.

– Ни слова больше! – отрезала Ева-Лотта. – Бегите в те кусты и пошуршите там, чтобы как-то отвлечь этого бандюгу.

Андерс и Калле испуганно вытаращились на неё, но поняли, что она полна решимости и отговаривать её без толку. Они по опыту знали: если Ева-Лотта что и задумала, то уж не отступится.

– Давай лучше я проберусь в машину, – стал умолять её Калле, зная наперёд, что ничего из этого не выйдет.

– Бегите, да поскорее! – скомандовала Ева-Лотта. – Время не ждёт!

Они повиновались, но, прежде чем исчезнуть, услышали её шёпот:

– Я буду для Расмуса вместо матери. И, если получится, постараюсь оставлять за собой следы. Ну, как Гензель и Грета, вы знаете...

– Молодчина! – похвалил её Калле. – Мы будем следовать за вами по пятам. Как две ищейки.

И, ободряюще помахав Еве-Лотте рукой, Калле с Андерсом исчезли.

Как хорошо, что они умеют бесшумно подкрадываться, когда нужно! Не зря они так долго ведут войну Роз! Вот и часового, этого придурка на дороге, обмануть не составило труда. Ему приказано стеречь Расмуса – он и ходит взад-вперёд между домом и машиной. Туда и обратно. Туда и обратно. Но вот он слышит подозрительный скрип в кустах неподалёку. Значит, нужно сбегать и посмотреть, в чём дело. И он решительно перепрыгивает через кювет и ныряет в орешник. Он начеку, он весь внимание, он очень бдителен! Но ведь ему приказано стеречь машину, этому дураку! Всякое ведь может случиться возле машины, пока он неизвестно что ищет в орешнике. И ищет-то он понапрасну, потому что ничегошеньки там не найдёт. Конечно, двое мальчишек залегли за кустами, но он же их не видит! Он по глупости своей думает, что ему просто померещилось. Да мало ли какой зверёк проскользнул за кустами! Он очень бдительный сторож и доказал это на деле. Весьма довольный собой, он возвращается к машине.

Но вот наконец и дружки. Мальчики, осторожно высунувшись из-за кустов, их тоже увидели.

– Смотри, да это же профессор! Они и профессора похищают! – шепчет Калле. – Неве-
роятно! Это нам, наверное, снится!

Профессор?! Да, это его силой подталкивают они впереди себя к машине. Он отчаянно
сопротивляется, он зол, руки у него за спиной связаны, во рту – кляп.

Всё это похоже на очень страшный сон, но это вовсе не сон. Уже светает, и всё отчет-
ливо видно. Пыль, клубящаяся вокруг упирающихся ног профессора, – отнюдь не мираж. Звук
захлопывающейся дверцы – реальность.

Машина промчалась вниз по склону и исчезла из виду. Дорога пуста. Возможно, это
могло быть и сном, если бы в воздухе не остался запах гари. И ещё: если бы на обочине дороги
не лежал маленький мокрый носовой платочек Евы-Лотты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.